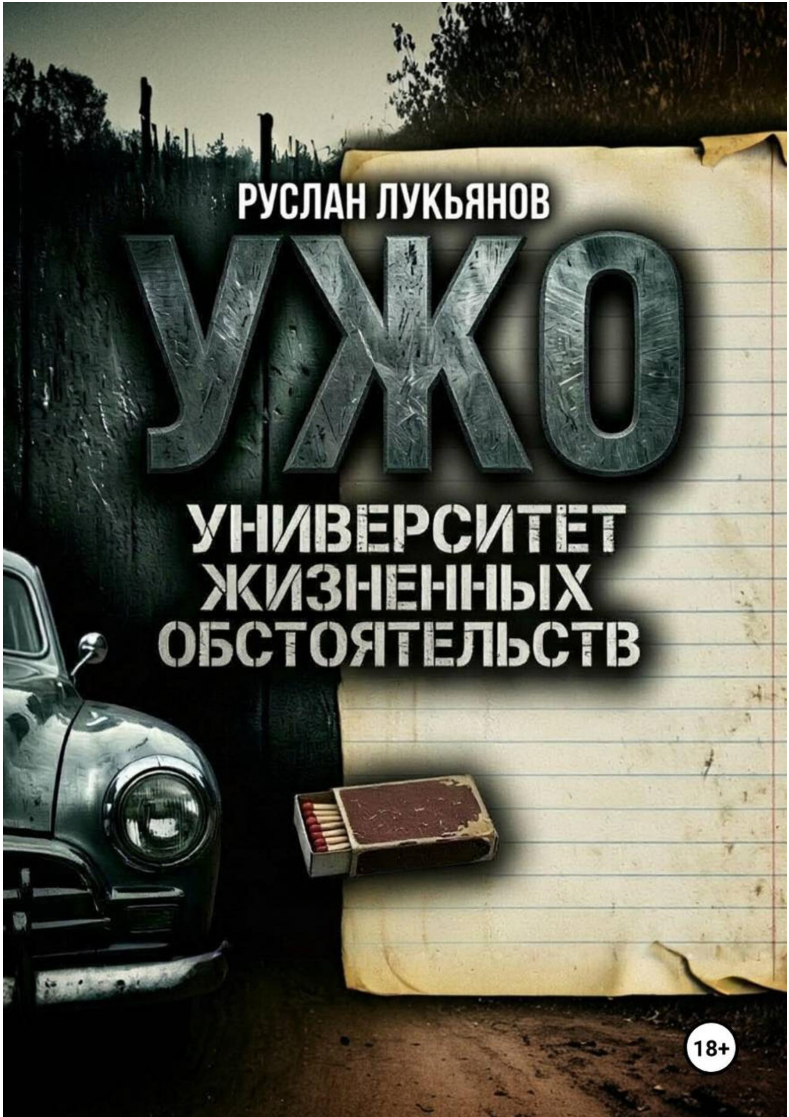
РУСЛАН ЛУКЬЯНОВ
УЖО
УНИВЕРСИТЕТ ЖИЗНЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ
18+

Руслан Лукьянов

УЖО. Университет жизненных обстоятельств

https://litres.ru/74979908
SelfPub; 2026

Аннотация

Вы уверены, что это случится с кем угодно, но только не с вами? Ещё вчера он думал так же.

Он был счастлив и успешен: крепкая семья, любимое дело, созданное своими руками, коллекция редких ретроавтомобилей. Но однажды привычный мир рушится за считаные часы. За спиной с лязгом захлопывается дверь Централа, а ночью его бросают в глухой подвал тюремной больницы. Никакой случайности — только холодный расчёт: чужая зависть и предательство людей, которые за вашей спиной торгуют вашей свободой.

Представьте себя на его месте. Без нужных лекарств, в запертой палате один на один с тем, кого конвойные шёпотом называют «отбитым маньяком». Что выберете вы: сломаться и отдать стервятникам дело всей жизни — или выстоять, вспомнив жёсткую закалку суровой юности 90-х?

«УЖО» — бьющая наотмашь, честная и местами до слёз смешная книга без блатной романтики. История о том, кто

останется рядом, когда у вас отберут всё, — и какой ценой правда берёт верх.

Содержание

Уважаемый читатель! 8
ЧАСТЬ I. 9
Глава 1. Кабриолет и «стакан» № 12 9
Глава 2. Палата № псих и «маньяк» Касьян 15
Глава 3. Выстрел и капкан адвоката Мазурова 22
Глава 4. Лекарство Авиценны и правда Касьяна 29
Конец ознакомительного фрагмента. 35

УЖО. Университет жизненных обстоятельств

Настоящее произведение является художественным вымыслом, вдохновлённым реальными жизненными обстоятельствами. Все имена, фамилии, прозвища, географические привязки и отдельные детали биографий персонажей изменены, любые совпадения с реальными лицами носят случайный характер.

Автор не преследует цели оскорбить чью-либо честь и достоинство, а также не пропагандирует криминальную субкультуру или противоправное поведение.

Все сюжетные повороты, включая развязку произведения, являются плодом авторской фантазии и не отражают реальных событий.

Уважаемый читатель!

Эта книга рождалась не в тишине уютного кабинета и не за экраном ноутбука. Её первые строки ложились на листы обычной тетради в клетку при тусклом ночном свете — там, где нет ни интернета, ни телефона, ни права на слабость.В этой истории нет выдуманной «блатной романтики» — только честный взгляд на то, как в одну секунду может рухнуть привычный мир, из какого теста сделаны люди по обе стороны решётки, на что способна любящая женщина, когда остаётся один на один с тяжёлыми обстоятельствами, и почему настоящую свободу невозможно запереть ни на один засов.Руслан Лукьянов

ЧАСТЬ I.
ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Глава 1. Кабриолет и «стакан» № 12

— Мотор! Камера! Начали!Тяжёлый довоенный кабриолет цвета слоновой кости мягко тронулся с места, шурша широкими белобокими шинами по старой брусчатке. Прохладный апрельский ветер с Невы трепал поля моей фетровой шляпы, пахло горячим моторным маслом, дорогой натуральной кожей салона и свежим речным бризом. Впереди по перекрытой набережной суетилась массовка в габардиновых плащах и кепках сороковых годов, с операторского крана прямо на меня смотрел чёрный глаз кинокамеры, а в салоне на пассажирском сиденье сидел народный артист, с которым мы только что отработали сложный проезд по мокрой мостовой без единого дубля.— Стоп! Снято! Борис Иванович, блестяще, как всегда! — крикнул в мегафон режиссёр, и площадка взорвалась аплодисментами.Я заглушил двигатель. Мотор тихо щёлкнул остывающим металлом. Ко мне тут же подбежал механик площадки, за ним подошёл сам режиссёр — крепко пожал руку, похлопал по плечу:— Ну

что за зверь у тебя, Иваныч! Идёт как по рельсам, ни одного лишнего стука. В мае запускаем второй блок — вся твоя коллекция у нас в графике, договоры уже в бухгалтерии.Чуть в стороне, за полосатым ограждением, стояла Ася с нашим полуторагодовалым сыном на руках и семилетней дочкой. Дочка махала мне рукой и звонко смеялась — она обожала эти дни, когда папа сам садился за руль своих раритетов под софитами. Я вышел из машины, снял фетровую шляпу и подошёл к ним. Ася улыбнулась своей спокойной, тёплой улыбкой, поправила мне воротник пиджака и тихо сказала:— Ты сегодня прямо как из старого кино. Поехали домой, ужин стынет, а то сынок уже носом клюёт.Всего три дня назад я был именно там — в мире софитов, запаха свежего лака и хрома в собственном реставрационном ангаре, где под плотным брезентовым чехлом ждал финального слоя полировки мой седьмой, самый редкий проект — коллекционный родстер тридцать девятого года. Я сам восстанавливал эти машины с нуля, от голой ржавой рамы до последнего винтика, сам сдавал их в аренду киностудиям, сам снимался в эпизодах и владел несколькими объектами коммерческой недвижимости, которые давали семье надёжный, честный тыл.А теперь я сидел на узкой обшарпанной лавке в «стакане» номер двенадцать знаменитого Централа — в каменном отстойнике три на три метра, куда за последние два часа набили двадцать пять человек.Острог — это не просто слово или точка на карте города. Это мечты и грёзы, разбитые о

скалы чужой подлости и собственной доверчивости. Здесь балансируешь, как акробат в цирке на канате, только вместо купола — небо в клетку, а вместо каната — боль, мука и страдания. Лишь здесь, за этой ржавой железной дверью, я понял, как хрупка наша короткая жизнь и как, оказывается, просто можно оставить собственных детей сиротами. Лишь здесь я осознал всю мощь и вес простого слова «семья».Дрожал предпоследний день апреля. За узким, закрашенным белой масляной краской окошком под самым потолком уже сгущались питерские сумерки, но там, за толстыми стенами, уже пахло весной и приближающимся летом. На это лето было настроено громадьё планов: куча дел по загородному дому после затяжной зимы, разгребание последствий весеннего паводка на участке, большие летние киноэкспедиции, где должна была работать моя ретротехника, и недокрашенный родстер в ангаре...На начало июня, с первыми каникулами дочери-первоклашки, планировалась долгожданная поездка на родину, где я не был уже два года, где похоронена мама и живут отец с сестрой. Я ведь хотел сорваться туда ещё до майских праздников, потом подумал, что лучше провести майские с семьёй, а уехать сразу после них. Так и колебался, откладывая билеты со дня на день, пока не случилось непоправимое. Правду говорят: нужно слушать свою интуицию, она и есть та самая истина, к которой стоит прислушиваться, несмотря ни на что. Эх, знал бы прикуп — жил бы в Сочи. Хотя, признаться, после трёхмесячной командировки двена-

дцатилетней давности в Сочи с их своеобразным менталитетом я бы совершенно не хотел там ни жить, ни даже отдыхать.Теперь все эти планы рассыпались в прах за одни сутки.Когда накануне оперативники вошли с обыском в мой ангар и загородный дом, они искали оружие, но ничего не нашли, разглядев ряды отполированных до зеркального блеска коллекционных автомобилей, реставрационные стапели, действующие контракты с киностудиями и папки с документами на коммерческую недвижимость, старший опергруппы и следователь переглянулись так, будто сорвали джекпот. Борис Иванович Климов в ту же секунду перестал быть для них обычным участником бытового конфликта и превратился в «жирного клиента», которого можно выдоить досуха.В «стакане» дым стоял коромыслом, хоть топор вешай — вытяжка под потолком лишь беспомощно гудела, не справляясь с десятками одновременно тлеющих сигарет. Люди сидели на лавках вдоль стен, стояли, прислонившись к облупленной штукатурке, сидели прямо на корточках в центре. Некоторые из задержанных были явно тёртыми калачами, знавшими эту дорогу не понаслышке: они держали при себе увесистые клетчатые баулы со всем необходимым — от сменного белья и кипятильников до блоков сигарет и заварки. Другие же, как и я, с пустыми руками и без шнурков в ботинках, ошалело крутили головами, не веря, что всё это происходит наяву, а не в дурном сне, который вот-вот оборвётся звонком будильника.В основном вокруг собрались первоходы, знав-

шие про тюрьму лишь по кино и чужим байкам. Рядом со мной на краю лавки сидел худой парень лет двадцати пяти в дорогом кашемировом пальто без ремня и непрерывно дёргал коленом.— Мужики, а долго нас тут держать будут? — тихо спросил он в никуда, глядя в пол. — У меня завтра с утра сделка, жена не знает, где я...— Успокойся, студент, — хрипло отозвался из угла коренастый мужик с седым ёжиком и баулом в ногах. — Здесь теперь у всех одна сделка — со следствием. До ночи промаринуют, пока по хатам раскидают. Кури лучше, пока спички есть.Кто-то рядом нервно травил анекдоты, пытаясь заглушить собственный страх громким смехом; кто-то молча упёрся взглядом в бетонный пол, глубоко уйдя в себя, и почти все курили одну за другой. Время тянулось вязко, как холодный гудрон. За окном совсем стемнело, но свет в отстойнике никто не включал, что вызывало глухой ропот и сеяло в тесноте липкую, взрывоопасную нервозность.Лампочка под металлической сеткой вспыхнула внезапно, резанув по глазам жёлтым, больничным светом. В ту же секунду со стен и бетонного пола по своим укромным трещинкам и щелям врассыпную бросились тараканы всех мастей и размеров — словно демоны от резкого луча солнца, действующего на них, как спичка, брошенная в лужу бензина. У железной двери послышался тяжёлый стук и металлический скрежет, все разом уставились на глазок, где показался чей-то любопытный зрачок. На выемке вокруг глазка была коряво, но старательно выцарапана надпись: «Глаз педе-

раста». Кто-то не выдержал, и «стакан» взорвался дружным, слегка истеричным хохотом, разом разрядившим повисшее в воздухе напряжение.Зрачок в глазке исчез, в замке с грохотом провернулся тяжёлый затвор. Дверь распахнулась, и немолодой, удивительно вежливый парень с усталыми глазами внёс огромный пакет с провизией и стопку пластиковых кружек:— Приветствую, братцы! Вот собрали по хатам, что смогли, сейчас ещё кипяточку принесу.Это был хозяин.Вообще, вы удивитесь, но такого уважительного общения и обращения друг к другу, как у арестантов в тюрьме, я ещё нигде не встречал. Люди, оказавшиеся в одной беде и в одних стенах, как никто на воле умеют поддержать друг друга, слушать и слышать, объединяться и самоорганизовываться без всяких начальников и приказов. Это удивительное качество просыпается в экстремальных обстоятельствах, вытаскивая наружу всё лучшее, что помогает выжить и не упасть в грязь лицом.Тогда, в душном «стакане», принимая из рук незнакомого соседа кружку горячего, обжигающего пальцы чая, я ещё не знал, что через несколько часов глухая ночь приведёт меня не в обычную камеру Централа, а в подвал психиатрического отделения тюремной больницы — в заказную «пресс-хату», куда меня упекли люди, решившие сломать меня без таблеток и отобрать всё, что я строил своими руками. Но они ещё не знали, с кем связались.

Глава 2. Палата № псих и «маньяк» Касьян

Глубокой ночью за мной пришли и вывели из душного «стакана» в длинный, пропахший хлоркой, сыростью и старой капустой коридор психиатрического отделения тюремной больницы. Там я провёл почти две недели, хотя поначалу время вязло так, будто каждый час растянулся в бесконечность.Уже в первую ночь, когда конвойный гремел засовом у облупленной двери палаты номер четырнадцать, я отчётливо понял: человека, впервые в жизни попавшего под следствие по нетяжкой статье, случайно в этот подвал не закатывают. Это была завуалированная «пресс-хата». Разглядев при обыске мой ангар с редкими коллекционными автомобилями, киноконтракты и бумаги на недвижимость, следствие решило дожать меня без лишних свидетелей — отрезать от лекарств, сна и связи с волей, чтобы я сломался и сам отдал всё, что у меня есть.На прощание старший конвойный, открывая тяжёлую дверь палаты, многозначительно ухмыльнулся мне в лицо:— Заходи, бизнесмен. Знакомься с соседом — Касьян. Отбитый маньяк, убийца и насильник. Гляди в оба, ночью не засыпай, а то задушит.Дверь с оглушительным лязгом захлопнулась, отрезав меня от остального ми-

ра.Палата оказалась тесной бетонной коробкой с облупленной зелёной краской на стенах и тусклой лампочкой под железным колпаком высоко под потолком. У дальней стены, забранной толстой решёткой, стояли две узкие стальные койки с провисшей панцирной сеткой. На одной из них, поджав под себя худые колени, сидел нервный, дёрганый мужик лет тридцати восьми с впалыми щеками, тёмными кругами под глазами и в вытянутой серой майке. Он резко вскочил, настороженно оглядел меня с ног до головы и глухо, с хрипотцой буркнул:— Касьян. Вон твоя шконка, падай.Я молча кивнул, подошёл к пустой койке и присел на край жёсткого, слежавшегося матраса. Касьян не ложился — он мерил камеру короткими, нервными шагами от решётки до двери, то и дело потирая тонкие запястья и косясь на меня исподлобья.— За что заехал? — спросил он наконец, остановившись посреди палаты.— По дурости и чужой подлости, — коротко ответил я. — За друга вступился. А зовут меня Борис.— Борис... — повторил он тихо, словно пробуя имя на вкус, и криво усмехнулся. — А меня тебе, небось, уже расписали? Что я тут людей по ночам душу?— Было дело, — честно сказал я, глядя ему прямо в глаза. — Только на маньяка ты не тянешь, Касьян. Скорее на человека, которого здесь заживо едят.Он замер, долго смотрел на меня, а потом вдруг тяжело опустился на свою койку и глухо выдохнул:— Первый за три года, кто в глаза посмотрел и не шарахнулся... Ладно, Боря, ложись. Утром сам всё увидишь.В первый же

день утром щёлкнул затвор двери хаты-палаты, и она отворилась. Касьян подскочил как ошпаренный и бросился к выходу, где стоял человек в пятнистой форме, худенький молодой парень, похожий на прыщавого студента, и огромный детина лет тридцати с цветными татуировками каких-то бесов на раскачанных ручищах. Я пошёл вслед за Касьяном. Тот чуть обернулся и раздражённо бросил:— Сними верх.Я на ходу стянул футболку и вышел в коридор. За дверью стоял ещё один, четвёртый человек, тоже в пятнистой форме. Приглядевшись, я понял, что это женщина лет пятидесяти с торчащими из-под кепки остатками крашеных кудрей и плохими зубами. Прозвучала резкая команда:— Лицом к стене, руки на стену!Мы подчинились. Вдруг я ощутил грубый удар сапогом по ноге:— Ноги раздвинул!Я расставил ноги. В этот момент послышались тяжёлые приближающиеся шаги и басовитый голос «Фрау» с вот таким задом:— Ну и на кой чёрт вы мне тут нужны? Повернулись!Мы повернулись. Касьян начал лепетать что-то полувнятное: «Здравствуйте, как поживаете, доброе утро...» и прочую дежурную хрень. Оказалось, это было уже далеко не утро. Впрочем, в тюрьме вообще проблема с ориентацией во времени: арестанты, как и счастливые люди, часов не наблюдают — не положено, понимаешь.Фрау, не обращая никакого внимания на лепет Касьяна, процедила:— Ну и что мне с вами делать?Понятно, что вопрос был риторический, но я посмотрел ей прямо в глаза и совершенно спокойно произнёс:— Расстрелять!Она,

даже не моргнув, криво ухмыльнулась и бросила:— Слишком просто!Развернувшись, как танк посреди поля, она, виляя задницей, ушла прочь по коридору. Дальше я познал все «тяготы и прелести» пребывания в психиатрическом отделении тюремной больницы, и отсутствие ложки с горячей водой показалось сущим пустяком в сравнении с тем, что происходило каждый монотонный день дальше.Туалет и интимная гигиена — отдельная тема, особенно для человека, привыкшего к чистоте и комфорту. Но к этому привыкаешь достаточно быстро, благо большинство арестантов люди чистоплотные, и здесь это приветствуется, что с первых дней обнадёживает. А вот вопрос питания — особенно для такого разборчивого в еде человека, как я, да ещё и с больным желудком — сильно усложнял пребывание в палате. Баланда, по идее, неплохо сбалансированный набор полезных ингредиентов, но качество этого яства под большим сомнением, а внешний вид абсолютно не вызывает аппетита и уж тем более уверенности, что, употребив это кулинарное нечто, ты не рискуешь здоровьем. Но вариантов нет: ковыряясь и выбирая, приходится понемногу есть. Слава богу, кроме изжоги пару раз ничего страшного не случилось, со временем даже наладился стул. Но самой больной темой в психушке оставалось отсутствие дверей в туалет. Это потом, когда меня поднимут на Централ, я пойму, насколько там легче: есть ток в розетках, можно вскипятить воду и заварить горячий чай или кофе, есть часовая прогулка каждый день, которой

в психушке не было вообще.Ещё одной пыткой стал сон. Я практически не спал. Дальше режима поверхностного засыпания дело не заходило — это когда ты вроде бы начал проваливаться, но ещё не отключился, слышишь каждый шорох вокруг и снова просыпаешься. Отдохнуть в таком состоянии невозможно, и ты сутками ходишь в вязком тумане хронической усталости.Поздно вечером приходил санитар и выдавал сокамернику таблетку. Я уже знал по повседневным наблюдениям: минут через тридцать-сорок Касьян отключится, но перед этим у него наглухо заложит нос, что сделает его сон невыносимо шумным, а для меня начнётся томное ожидание утра с долей зависти к мирно посапывающему и изредка попёрдывающему соседу. Через пару часов отключали свет, и становилось невозможно даже писать — зрение заметно садилось, а разобрать утром написанное в темноте было почти нереально.И вот с выключением света начиналась настоящая психушечная ночь, наполненная полным комплектом всех ужасов и тягот арестанта-психа. В темноте, словно лангольеры Стивена Кинга, из всех мыслимых щелей и отверстий начинали выползать тараканы всех мастей, размеров и видов — всё больше и больше, всё ближе и ближе, как надвигающееся полчище тёмных сил, пытающихся тебя сначала извести, а потом сожрать. Они лезли отовсюду, даже оттуда, откуда их совсем не ждёшь. В привычном отчаянии я начинал бить их всеми имеющимися под рукой предметами — кроме тех, что успевали забраться на постель, потому что отмыть

простыню было невозможно, а стирка здесь не предусмотрена. И лишь под утро, когда за решёткой начинало светать, они, будто по команде своего тараканьего Дракулы, расползались по тёмным норам, чтобы набраться сил и выстроить стратегию сражения на следующую ночь. Иногда даже мелькала мысль подружиться с ними, но неприязнь и отвращение были столь велики, что я снова выбирал войну.Но ночь была полна не только битвой с насекомыми. Она была наполнена тоской по детям и бесконечным прокручиванием в голове той подлой комбинации, из-за которой я оказался в этом бетонном мешке. Я лежал в темноте, глядя в потолок, и чувствовал, как растерянность первых часов медленно переплавляется во что-то холодное и твёрдое. Они думали, что я сломаюсь. Они ещё не знали, с кем связались.А однажды утром, глядя сквозь решётку на летящий высоко в чистом питерском небе самолёт, я вдруг почувствовал странный запах пыльцы — не зная даже, какой именно. Именно этот запах и привкус мгновенно вернули меня в тот день чуть больше года назад, когда нужно было везти полуторагодовалого сына на УЗИ для проверки на предмет опухоли в мозгу, которая, как сказали врачи, могла начать расти, а могла никогда не дать о себе знать. Накануне я поехал в церковь. В храме не оказалось ни единого человека. Оставшись наедине с Богом, я обратился к Нему и к своей умершей маме с отчаянной мольбой: спасти сына, а если для этого нужна плата — забрать у него недуг и передать мне в виде любой бо-

лезни или любого испытания. Я молил об этом совершенно искренне, криком из самой глубины души и сердца, потому что любил этого маленького, чистого и невинного мальчишку больше собственной жизни и был готов ради него на любые страдания.Там, в палате тюремной психушки, я понял две вещи. Первая: ради здоровья детей я выдержу любой ад. И вторая: когда я выйду отсюда, каждый, кто приложил руку к этой подставе, заплатит по счетам до последней копейки.

Глава 3. Выстрел и капкан адвоката Мазурова

За пару недель до ареста ко мне в ангар заехали мой давний знакомый Игорь и его приятель Стас. Я как раз заканчивал полировку хромированных бамперов на редком довоенном родстере и готовил к выезду на киносъёмки старинный фаэтон. За годы работы я собрал солидный парк коллекционных ретро-автомобилей, которые сам реставрировал до последнего винтика и сдавал в аренду киностудиям, а параллельно владел несколькими объектами коммерческой недвижимости.Игорь и Стас ходили вдоль отполированных до зеркального блеска машин, цокали языком, заглядывали в бежевые кожаные салоны и восхищались. Игорь радовался искренне, по-простому, хлопал меня по плечу и шутил, что мне пора открывать собственный музей. А вот в глазах Стаса, пока он медленно, почти жадно гладил ладонью блестящее крыло родстера, мелькнула холодная, ядовитая зависть — та самая чёрная злость, которую испытывают люди, не способные ничего создать своими руками, глядя на чужой успех. — Неплохо устроился, Боря, — процедил он тогда с кривой улыбкой. — Машинки, кино, помещения... Прямо барин.Тогда я отшутился и не придал его тону значения. Зря.В тот

роковой день с самого утра я работал в ангаре, готовя к грунтовке кузов тридцать девятого года. Часов в двенадцать зазвонил телефон — на экране высветился Игорь. Голос у него срывался и дрожал: на его небольшую производственную базу приехал Стас с парой крепких ребят, размахивал какими-то липовыми расписками и требовал немедленно освободить территорию. Игорь просил просто приехать и постоять рядом, поддержать его, чтобы не оставаться один на один. Я закрыл ворота ангара, сел в машину и поехал к другу.Потом всё закрутилось так стремительно и абсурдно, что даже спустя недели за решёткой это напоминало дурной, кем-то заранее срежиссированный спектакль.Когда я подъехал, разговор во дворе базы уже шёл на повышенных тонах. Стас вёл себя нагло, тыкал Игорю пальцем в грудь и сыпал угрозами. Я подошёл, встал между ними и спокойно сказал, что сейчас не девяностые и такие вопросы решаются в арбитраже, а не наездами. Стас взбесился, лицо его пошло красными пятнами. Он рванул к своему внедорожнику, распахнул заднюю дверь и вернулся с охотничьим карабином наперевес, направив чёрный ствол прямо в нашу сторону.В этот момент сработал чистый инстинкт: я шагнул вперёд, перехватил цевьё и резко рванул карабин на себя, отводя его в сторону. В короткой, жёсткой потасовке палец Стаса дёрнулся на спусковом крючке — грохнул оглушительный выстрел в землю, подняв фонтанчик щебня и пыли.Стас тут же попятился, побелел, запрыгнул в свой внедорожник и с визгом шин умчался со

двора, а карабин остался у меня в руках. Я стоял посреди пыльного двора, тяжело дыша и глядя на застывшего у стены Игоря. Везти чужой ствол к себе домой, где двое маленьких детей, я не хотел. Ехать в полицию с чужим оружием на заднем сиденье без свидетелей, когда сам был на взводе, тоже показалось опасным — остановят на первом же посту ДПС, проблем не оберёшься. Отъехав пару километров от базы, я свернул к густой лесополосе, завернул карабин в старую рабочую куртку из багажника и спрятал в глубоком валежнике, твёрдо решив утром, на свежую голову, поехать в отдел и сдать его под протокол.Но утром за мной приехали первыми. Стас оказался куда хитрее и подлее, чем выглядел: вместо того чтобы затаиться, он сам побежал в полицию и накатал заявление, будто это я ворвался к нему с оружием и вымогал деньги. А мой друг Игорь, когда запахло жареным и его вызвали на допрос, попросту струсил и спрятал голову в песок, не подтвердив ни единого слова о том, кто на самом деле привёз карабин.Обыск превратился в настоящий погром. Оперативники ввалились сначала в мой загородный дом — в грязных уличных ботинках топтались по коврам детской, вытряхивали на пол игрушки семилетней дочки и пелёнки полуторагодовалого сына, перерывали бельё в шкафах. Дочка забилась в угол дивана и беззвучно плакала, прижимая к себе плюшевого медведя, малыш надрывался на руках у Аси, а старший группы с ледяной ухмылкой бросил моей жене:— Вы бы, гражданочка, вещички то-

же далеко не убирали. Сейчас посмотрим, как вы мужу патроны подносили — пойдёте следом за соучастие, а детей в приют определим.Ася стояла бледная как мел, но не дрогнула и не заплакала при них — только крепче прижала к себе сына.Потом поехали вскрывать мой ангар. Оружия они, разумеется, не нашли. Зато один из оперов, недолго думая, полез в своих заляпанных глиной берцах прямо в светлый кожаный салон моего отреставрированного довоенного кабриолета, оставив чёрные жирные следы на коврике и обивке. Когда я дёрнулся было сделать шаг вперёд, меня грубо осадили за локоть. А старший опергруппы тем временем разглядел ряды коллекционных машин, реставрационные стапели, действующие киноконтракты и папки с документами на коммерческую недвижимость, после чего многозначительно переглянулся со следователем. В их глазах вспыхнул жадный, хищный огонёк. Они поняли: перед ними не обычный фигурант, а человек с серьёзными активами, которого можно выдоить досуха.Меня увезли в КПЗ. Ночью в тесной камере меня накрыла сильнейшая паническая атака — закружилась голова, перехватило дыхание, сердце заколотилось так, будто готово было проломить рёбра. Вызвали скорую. Врачи сделали какой-то укол, после которого сознание провалилось в тяжёлый, вязкий туман. Именно в таком полусонном состоянии меня вывели в следственный кабинет, где уже ждал адвокат — Михаил Сергеевич Мазуров, которого в спешке порекомендовали общие знакомые.Тогда я ещё не знал, что

Мазуров и начальник следственного отдела — старые университетские однокурсники и многолетние подельники.Мазуров склонился надо мной с видом спасителя, плотно прикрыл дверь кабинета и заговорил вкрадчивым, доверительным шёпотом:— Борис, ситуация критическая. На тебя вешают разбой и вымогательство группой лиц, это от семи до двенадцати лет строгого режима. Но я уже переговорил с руководством — у меня здесь свои люди. Если ты прямо сейчас сам покажешь, где спрятал карабин, мы оформим это как добровольную выдачу и переквалифицируем на чистое хулиганство. Завтра на суде по мере пресечения я вытащу тебя под домашний арест, а потом уйдёшь на условку. Не выдашь — закатают по полной, и семью свою увидишь лет через десять.Голова плыла после укола, мысли путались, перед глазами стояли заплаканные глаза дочки и бледное лицо Аси. Поверив «защитнику», я кивнул и назвал место в лесополосе. Ствол тут же изъяли, приобщили к делу как главную улику — и захлопнули капкан.На суде по мере пресечения Мазуров не сделал ровным счётом ничего, лишь лениво пробубнив пару дежурных фраз. Судья с холодной усмешкой отправила меня под стражу в Централ. Но самое мерзкое произошло сразу после заседания — обо всём этом я узнал позже из писем Аси и на нашем первом свидании через стекло.Мазуров перехватил в коридоре суда мою жену — растерянную, вымотанную бессонной ночью, с полуторагодовалым сыном на руках, которого не с кем было оставить. Адво-

кат усадил её в свой дорогой внедорожник и повёз по банкоматам собирать наличку. В салоне машины он достал прайслист из воздуха — потребовал отдать всё, что оставалось у семьи на счетах, вплоть до последней заначки:— Наличкой прямо сейчас, Ася. И без всяких квитанций, это на «решение вопроса» наверху. Иначе завтра к тебе домой придут органы опеки — детей заберут в приют, а тебя саму закрывают в СИЗО как соучастницу. Ты же знала, что муж с оружием поехал? Вот и пойдёшь следом.Ася обнулила все карты, сняв последние семейные накопления, и в машине передала увесистую пачку крупных купюр Мазурову. Адвокат небрежно пересчитал деньги, сунул их во внутренний карман пиджака и с барской усмешкой протянул ей смятый квиток на какую-то смехотворную, копеечную сумму — чисто для видимости, которой едва хватило бы на одну устную консультацию:— Вот тебе чек, для отчётности. Остальное — сама понимаешь, уйдёт наверх.А затем, скользнув по ней липким, оценивающим взглядом, он положил тяжёлую ладонь ей на колено и вкрадчиво добавил:— Ты женщина красивая, Ася... Нам теперь часто придётся встречаться в неформальной обстановке, чтобы Борю вытаскивать. Надеюсь, ты понимаешь, что благодарность должна быть взаимной?Мазуров считал её сломленной, растерянной дурочкой. Но он плохо знал мою жену. Ещё выходя из здания суда и почуяв неладное, Ася незаметно включила диктофон на телефоне и убрала его в карман пальто. Каждое слово вымогателя — и про органы

опеки, и про «соучастие», и про всю снятую наличку мимо кассы, и его грязные намёки — легло на запись кристально чисто. А камеры банкоматов и уличный объектив парковки зафиксировали каждую секунду этой сделки.Ася молча сбросила его руку, забрала тот жалкий квиток и вышла из машины, сжимая кулаки до побелевших костяшек.А меня тем временем повезли в Централ — и ночью бросили в психиатрическое отделение тюремной больницы, подсадив в палату к «маньяку» Касьяну. Начальник следствия и его однокурсник Мазуров разыграли всё как по нотам, надеясь, что без лекарств и рядом с психопатом Борис Климов сломается за неделю и сам перепишет на них и ангар, и коллекцию машин, и недвижимость.Но они просчитались. И с Асей, которая оказалась куда умнее и сильнее, чем они думали. И со мной. И даже с «маньяком» Касьяном.

Глава 4. Лекарство Авиценны и правда Касьяна

Панические атаки накрывали внезапно и беспощадно. Понять, что именно их провоцирует, было почти невозможно, но я по-прежнему прислушивался к себе и старался нащупать хоть какую-то логику их появления. Доктор ещё на воле говорил, что мне нужно проработать это с опытным психотерапевтом, чтобы докопаться до первопричины. Зачастую такие приступы — отголосок сильного стресса, случившегося давно, может быть, даже в глубоком детстве. Мозг включает защитные механизмы и стирает воспоминания, чтобы не травмировать нас снова, но сам страх никуда не девается — он сидит глубоко внутри и вырывается наружу вот такими приступами удушья, когда грудную клетку словно сжимает раскалённым железным обручем.Лекарства строгой отчётности, на которых я сидел последние три с половиной — четыре года, сюда доставить было категорически невозможно. Писали бумаги, прикладывали выписки из карты и диагноз, но в тюрьме свои правила и своя логика, построенная на банальном желании перебдеть и снять с себя любую ответственность. А в моём случае это ещё и идеально ложилось в расчёт следствия: оставить «жирного клиента» без табле-

ток в сыром подвале психушки, чтобы он быстрее дошёл до кондиции и сам позвал адвоката Мазурова подписывать любые бумаги.Проще говоря, надеяться здесь было не на кого и не на что, кроме себя и собственных сил. Помучившись в первые ночи без препаратов, я понял: выхода нет, придётся учиться купировать приступы голыми руками, чтобы к концу срока вернуться к Асе и детям не жалким и никчёмным овощем. Мужчина вообще не должен вызывать жалость, иначе впору уходить в скит или монастырь. В монастырь я не собирался — он в моей жизни уже случался в далёком прошлом, и свои уроки оттуда я давно вынес, — поэтому оставалось одно: выживать, терпеть и бороться.Самое парадоксальное и тяжёлое открытие заключалось в том, что мне становилось легче, когда я силой гнал прочь мысли о детях, Асе и доме. Ты запрещаешь себе вспоминать лица собственных малышей ради того, чтобы просто не задохнуться на холодном бетонном полу. Это похоже на какую-то сверхизощрённую пытку самого себя над самим собой, и от понимания, что ты делаешь это ради них же, становится только больнее.А вскоре окончательно рухнула и ещё одна тюремная декорация. Конвойные при заселении представили моего сокамерника Касьяна как «отбитого маньяка, убийцу и насильника», рассчитывая, что я не сомкну глаз и буду шарахаться от каждого его шороха. Но за решёткой люди быстро видят нутро друг друга — здесь не спрячешься за дорогим костюмом или красивыми словами.Приглядевшись к измученному, дёрга-

ному Касьяну, которого годами пичкали тяжёлыми нейролептиками, я постепенно разговорил его и узнал всю правду. Никаким маньяком он не был и в помине. До ареста он работал обычным автоэлектриком в гаражах, мог с закрытыми глазами перебрать проводку любой старой иномарки и мечтал накопить на собственный бокс. А закрыли его после того, как он отказал в близости избалованной дочке местного чиновника, с которой случайно пересекся на загородном дне рождения у общих знакомых. Девица, привыкшая, что перед ней все стелются, затаила чёрную злобу и через пару дней пошла писать заявление об изнасиловании. Бездушная машина правосудия перемолола парня за считаные месяцы так же легко и равнодушно, как сейчас пыталась перемолоть меня — а чтобы не выносить сор из избы и прикрыть белые нитки в деле, его упрятали на принудительное лечение.— Понимаешь, Боря, — глухо говорил Касьян, сидя на краю койки и глядя на свои худые, дрожащие пальцы, — я им на первом же допросе сказал: да вы посмотрите на неё и на меня, за что мне это? А следователь только усмехнулся: «Тебе, парень, не повезло с фамилией её папаши. Считай, что в лотерею выиграл». Вот с тех пор я тут и «лечусь».Вместо кровожадного монстра рядом со мной сидел сломанный, но сохранивший живую, чистую душу человек, которого система сделала «маньяком» лишь на бумаге.В психушке приступы в первую неделю случались у меня по три-четыре раза за ночь. И однажды наступил момент, когда казалось, что всё — край. Я

уже лежал на холодном полу с белым как мел лицом, мокрыми от ледяного пота волосами и не мог сделать ни единого вдоха. Воздух словно превратился в густой кисель, в глазах поплыли чёрные круги. Я отчётливо понимал, что ухожу из этого мира прямо здесь, под тусклой лампочкой в железном плафоне, но из последних сил цеплялся за жизнь, потому что знал: я просто не имею права оставить своих детей сиротами, а Асю — один на один с этими стервятниками.Именно в эту секунду «маньяк» Касьян вымутил сигарету — приберёг последний заначенный бычок на чёрный день. Он чиркнул спичкой, раскурил её и протянул мне, но я даже не смог ухватить сигарету руками — пальцев я не чувствовал, меня колотило так, будто у меня случился абстинентный синдром алкаша с пожизненным стажем. В итоге Касьян опустился на корточки, приподнял мою голову и сам осторожно просунул фильтр мне в губы.Я жадно вцепился в него и сделал глубокий вдох — казалось, самый глубокий за всю жизнь и первый за последние несколько минут. Задержал дыхание, чувствуя, как горячий, горький дым обжигает лёгкие, и уставился на Касьяна, который смотрел на меня широко раскрытыми, испуганными глазами. Спустя долгую, тягучую паузу он громко сглотнул и хрипло спросил:— Ты как, Боря?Я медленно, смачно выдохнул, но дыма уже почти не было — видимо, все канцерогены до последней капли жадно впитали спазмированные лёгкие. Через секунду я сделал ещё один вдох полной грудью, уже без сигареты. Спазм отпустил. Ка-

сьян сам затянулся, облегчённо выдохнул, подскочил с корточек на ноги и быстро заходил по камере, делая короткие затяжки одну за другой. Потом протянул мне бычок и, улыбаясь сквозь серость изможднного лица, сказал:— Братишка, теперь мы знаем лекарство от этой чухни! А значит, всё будет зашибись.Он сделал ещё круг по палате, остановился у решётки и задумчиво произнёс:— Теперь я знаю, зачем я здесь! Будем искать табак.Я оперся спиной о холодную бетонную стену. Капельки пота стекали со лба на руки и грудь — и я их снова чувствовал, а это вселяло уверенность. Я сделал ещё вдох, потом затяжку, снова вдох — и мне стало так легко и хорошо, будто я только что появился на свет заново.После Касьян сумел договориться со сменным санитаром — отдал ему свой последний шерстяной свитер с воли, и тот тайком передал нам горсть рассыпного табака и пачку дешёвых сигарет от террориста из соседней палаты. Так курение в тюрьме стало для меня не просто привычкой, а настоящим спасением, транквилизатором, сравнимым по действию с рецептурными таблетками, а эффект от редкой затяжки разливался по телу тем самым мягким, обволакивающим теплом, какое на воле дарит глоток хорошего «Курвуазье» или ирландского односолодового виски у камина. Тогда я твёрдо решил: если и брошу курить, то уж точно не в этой тюрьме.После того как Касьян, подобно Авиценне, нашёл лекарство от моего мучительного недуга, табак превратился для меня в главную ценность. Я берёг и экономил каж-

дую крошку, пряча заначки в самые потаённые места палаты с расчётом на то, чтобы при внезапном переводе в другую камеру успеть забрать всё с собой. Выкуривая сигарету, я всегда тушил её заранее, а остатки табака у фильтра аккуратно вытряхивал в спичечный коробок Череповецкой фабрики — хранил его как пилюли от болезни.И, как оказалось, не зря. В тюрьме мгновенно начинаешь ценить всё, чего на воле не замечаешь. Спички и сигареты здесь — настоящая валюта, нужная даже некурящему человеку. Однажды я обменял один коробок спичек на четыре сигареты «Ява» сто миллиметров. Распотрошил их, закрутил в самокрутки из тонкой бумаги от передачки — получилось порядка двенадцати небольших, неплотно набитых сигареток. Если вместо фильтра вставить скрученный в рулончик картонный патрон, каждой такой самокруткой можно спокойно сбить тягу вдвоём, а если перемешать табак с сухим чаем, выйдет все пятнадцать-шестнадцать штук. А что такое настоящая «козья ножка», в остроге знают все.Впоследствии, уже когда меня подняли на Централ, сокамерники не раз благодарили меня за эту находчивость с череповецким коробком. И хотя со временем Ася и друзья наладили передачи и сигарет стало хватать, курить в тюрьме я стал в разы меньше, чем на воле: мне важен был не сам дым, а осознание того, что в кармане лежит спасительный коробок и в случае чего он меня вытащит.ЧАСТЬ IIВКУС ПЫЛЬЦЫ И ЗАПАХ 90-Х

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.